

МЕРЕЖКО А.А.

заведующий кафедрой международного дисциплин
Университета экономики и права «Крок»,
доктор юридических наук, профессор

**КРИЗИС СОВРЕМЕННОЙ МИРОСИСТЕМЫ
И БУДУЩЕЕ МЕЖДУНАРОДНОГО
ПРАВА В XXI ВЕКЕ**

С методологической точки зрения наиболее интересной и перспективной для понимания сути исторического пути развития международного права и его сущности представляется миросистемная теория, созданная французским историком Ф. Броделем и американским социологом И. Валлерстайном. В методологическом плане миросистемная теория Валлерстайна находится на стыке неомарксизма, синергетики и школы «Анналов». За основную единицу анализа миросистемный анализ берет не государство, а миросистему. Миросистема, как подчеркивает Валлерстайн, – это не мировая система, а система, которая сама есть мир и которая может быть, а фактически всегда была, меньше, чем весь мир. Миросистемный анализ утверждает, что до сих пор миросистемы существовали либо в виде мироимперий, либо в виде мироэкономик. Мироимперия – это большая бюрократическая структура с единым политическим центром и осевым разделением труда, но разными культурами. Отличие мироимперии от мироэкономики связано со способом распределения ресурсов. Так, в рамках мироимперии, например, в Римской империи, централизованная политическая система использует власть для перераспределения ресурсов от периферии к центру. Что касается мироэкономики, то в ней не существует единого центра политической власти, хотя существует гегемония.

Сам термин «мироэкономика» был предложен французским историком Фернаном Броделем. Если под мировой экономикой понимается экономика мира, взятого в целом, «рынок всего мира», то под выражением «мироэкономика» (или «мир-экономика») Бродель предлагает понимать экономику лишь некоторой части нашей планеты в той мере, в какой она образует экономически единое целое¹. Примером такой мироэкономики Бродель считал регион Средиземноморья в XVI веке. **Мироэкономика, по его мнению, может быть определена с помощью трех существенных признаков²:**

¹ Бродель Ф. Динамика капитализма. – Смоленск: «Полиграмма», 1993. – С. 85.

² Там же. – С. 85-87.

– Мирэкономика занимает определенное географическое положение, у нее имеются определенные границы. Время от времени, через длительные промежутки, происходят неизбежные прорывы этих границ (так, например, случилось в результате Великих географических открытий конца XV века).

– Мирэкономика всегда имеет полюс, центр, представленный наиболее мощным, прежде всего, в экономическом смысле, государством (теперь это США¹).

– Мирэкономика состоит из ряда концентрически расположенных зон. Срединную зону образует область, расположенная вокруг центра. Срединную область образует область, расположенная вокруг центра. Далее, вокруг срединной зоны располагаются промежуточные зоны. И, наконец, следует весьма обширная периферия, которая в разделении труда, характеризующем мирэкономiku, оказывается не участницей, а подчиненной и зависимой территорией. «В таких периферийных зонах, – отмечает Бродель, – жизнь людей напоминает Чистилище или даже Ад. Достаточным же условием для этого является просто их географическое положение»².

Современная миросистема представляет собой систему глобального капитализма, смысл которого заключается в постоянном накоплении капитала. При этом капитал является не только определенным социальным отношением между глобальной буржуазией и глобальным пролетариатом, но также выражением экономической власти. Тот класс, который аккумулирует эту экономическую власть в глобальном масштабе, кому она принадлежит, является господствующим и определяет правила игры, в том числе международное право. Важно также и то, что капитализм тесно связан с государством. Как подчеркивает Бродель, «капитализм торжествует лишь тогда, когда идентифицирует себя с государством, когда сам становится государством»³. Кроме того, как справедливо отмечает Бродель, «капитализму необходима иерархия»⁴. В глобальных масштабах глобальный капитализм также создает иерархию, место в которой определяется наличием экономической власти в виде капитала. Не только мировая политика, но также международное право вынуждено считаться с этой иерархией, выражать ее и закреплять ее. Поэтому объективно международное право является буржуазным, поскольку, обеспечивая формальное равенство государств и народов, на практике часто является инструментом упрочения власти наиболее мощных капиталистических стран и крупных ТНК.

Теория миросистемного анализа объясняет, в частности, почему в странах центра миросистемы (core countries) государство оказалось сильнее, чем в странах ее периферии. «Концентрация капитала в зонах центра, – пишет

¹ По мнению Броделя, в 1929 году после некоторых колебаний центр мира вполне определенно переместился из Лондона в Нью-Йорк.

² Бродель Ф. – Указ. соч. – С. 87.

³ Там же. – С. 69.

⁴ Там же. – С. 79.

в этой связи Валлерстайн, – создала фискальную базу и политическую мотивацию к созданию относительно сильных государственных механизмов, среди свойств которых было обеспечение того, чтобы государственные механизмы периферийных зон были или остались относительно слабыми»¹.

Теория миросистемного анализа позволяет нам понять связь между капитализмом и государством, а также сущность концепции суверенитета и международного права.

Государство, полагает Валлерстайн, играет важную роль в качестве механизма, способствующего максимальному накоплению капитала. Согласно своей идеологии, капитализм предполагает свободную экономическую деятельность частных предпринимателей, которая была бы свободна от вмешательства государства. Однако, на практике этого не происходило, поскольку капиталисты всегда активно использовали государственные механизмы в целях накопления капитала.

Валлерстайн также разоблачает концепцию государственного суверенитета, являющуюся, по его мнению, «идеологическим мифом». «Современное государство, – пишет он, – никогда не являлось совершенно автономным политическим образованием. Государства возникли и формировались в качестве интегральных частей межгосударственной системы, которая представляла собой совокупность правил, в рамках которых государству приходилось функционировать, а также совокупность легитимизаций, без которых государства не смогли бы выжить»².

С точки зрения самого государства, межгосударственная система представляла собой систему ограничений, налагаемых на свободу воли и поведение государства. Эти ограничения, в первую очередь в виде норм международного права, находились в явном противоречии с «официальной идеологией суверенитета»³. Валлерстайн объясняет, что на самом деле основная идея суверенитета никогда не предполагала полную независимость государства, поскольку суть этой концепции состояла в указании на определенные ограничения на вмешательство одного государства в деятельность другого. Правила межгосударственной системы, по мысли Валлерстайна, внедрялись в жизнь не столько путем согласия или консенсуса, сколько путем готовности и способности более сильных государств к принуждению более слабых государств и друг друга к соблюдению этих правил. Таким образом, миросистема представляет собой не только экономическую, но также политическую иерархию, что неизбежно влияет на содержание международного права.

То обстоятельство, что миросистема никогда не превратилась в империю Валлерстайн объясняет тем, что структурная основа мировой эконо-

¹ Wallerstein I. Historical Capitalism. – London, 1983. – P. 32.

² Ibid. – P. 56-57.

³ Ibid. – P. 57.

мической системы, а также интересы главных «накопителей капитала» препятствовали трансформации «мироэкономики» в «мироимперию»¹.

Итак, в контексте миросистемной теории международное право предстает перед нами в качестве права этой миросистемы, а его история определяется историей миросистемы. Именно миросистемная теория должна быть положена в основу анализа истории международного права, если мы собираемся постичь подлинную суть международно-правового исторического процесса.

Эффективность международного права как права миросистемы в значительной мере зависит от того, каким его видит государство-гегемон, поскольку его представление о международном праве влияет на международное правосознание других народов. Как показала история внешней политики и международных отношений последних десятилетий, у США сложилось весьма нигилистическое представление о значении и содержании международного права. Вот, например, каким видит международное право экс-представитель США в ООН Джон Болтон: «Международное право или право наций, как его еще называют, зародилось в XV-XVI веках и изначально представляло собой своего рода кодекс поведения для стран. Это были договоренности о том, как страны будут вести себя на мировой арене. Сначала это были в основном двусторонние соглашения, что-то вроде контракта, обязывавшего страны, поставившие свою подпись, его соблюдать. Затем, после Второй мировой войны, резко стало увеличиваться количество многосторонних соглашений, вслед за чем появилась целая индустрия юристов-профессоров, которые пытались создать систему международного права, даже несмотря на тот факт, что страны необязательно ей следовали. Вот почему я считаю, что усилие, направленное на создание системы международного права, было в какой-то степени искусственным. Это была попытка адаптировать понятие «права» к международным отношениям, в сфере которых большинство решений имеет все же политический, а не юридический характер. Более того, сравнение внутреннего, национального права и права международного совершенно не имеет смысла, так как это две разные сферы. Иначе говоря, изначально ставилась невыполнимая задача – сформировать пространство международного права, а с течением времени стало понятно, насколько невыполнимой она является. <...> Многие аспекты поведения стран на международной арене в принципе нельзя рассматривать с юридической точки зрения. Право – это очень удобный механизм для управления конкретной страной, однако, в международных отношениях это невозможно»².

¹ Ibid. – P. 57-58.

² Экс-представитель США в ООН: «Международное право – невыполнимая задача» // <<http://www.regnum.ru/news/1052105.html>>.

Подобный скепсис американских политиков становится «самоисполняющимся пророчеством», подрывающим престиж международного права. Вполне очевидно, что такая установка в отношении международного права, ставящая на первое место не право, а политические соображения, ведет к разрушительным последствиям для международного правопорядка.

Вышеупомянутый подход американских политиков и юристов к содержанию международного права весьма характерен для так называемого «реалистического» подхода к международному праву. «Реалисты» трактуют международное право и международные организации со значительной долей скептицизма и даже цинизма. Для них система международных отношений представляется в качестве анархии, в рамках которой каждое государство руководствуется не столько соображениями международно-правового порядка или общечеловеческими интересами, сколько собственными национальными интересами, полагаясь при этом не на механизмы международного права, а на инструменты самопомощи. Вместе с тем, «реалисты» признают, что международное право все-таки формирует определенный порядок в международных отношениях. Однако они по-своему отвечают на вопрос, почему государства все-таки склонны к соблюдению норм международного права. По их мнению, государства соблюдают международное право совсем не потому, что его нормы справедливы сами по себе, а потому что их соблюдение соответствует интересам этих государств. Благодаря международному праву и созданному с его помощью миропорядку, государство может в какой-то мере предвидеть поведение других государств. По существу, международное право создает некие, пусть даже часто нарушаемые, правила игры в области внешней политики и международных отношений. С экономической точки зрения, как полагают некоторые «реалисты», международное право выгодно потому, что позволяет государствам сэкономить на различного рода расходах, в первую очередь военных, которые бы направлялись на постоянное приготовление к защите собственной территории. Кроме того, нормы международного права обеспечивают относительную безопасность и стабильность международных торгово-экономических отношений. С психологической же точки зрения само существование международного права снижает страх и напряжение, связанные с наличием постоянной угрозы возникновения войны.

«Реалисты» также скептически настроены в отношении эффективности международных организаций. Для них весьма характерно указание на слабости и недостатки таких организаций. Особенно часто они ссылаются на неудачный опыт Лиги Наций относительно предотвращения Второй мировой войны. При этом они как-то забывают о том, что история международных отношений и международного права представляет собой целую череду проб, ошибок и экспериментов и что прежде чем возникнет достаточно эф-

фактивная международная организация, например ЕС, этому может предшествовать длительная история неудачных попыток.

С точки зрения «реалистов» международные организации не являются вполне самостоятельными и независимыми субъектами внешней политики и международного права. На самом деле, утверждают они, международные организации – это своего рода форумы, в рамках которых происходит межгосударственная политическая и дипломатическая борьба. Государства используют международные организации в своих целях, а сами международные организации обладают влиянием и силой лишь в той мере, в какой это выгодно государствам в данный момент.

Одним словом, сущность «реалистического» подхода к международному праву состоит в том, что в случае коллизии между интересами государства и нормами международного права предпочтение следует отдавать государственным интересам.

Противоположностью «реалистического» подхода к международному праву является либеральный подход, охватывающий также так называемый «неолиберальный институционализм». Либералы, в отличие от «реалистов», признают существование определенного порядка в международных отношениях, одним из важнейших проявлений которого является система международного права. Для них международное право, хотя и не является таким же эффективным, что и внутреннее право, тем не менее, все-таки представляет собой полноценное право, оказывающее заметное влияние на социальные отношения. Представитель либерализма американский юрист-международник Луис Хенкин так объясняет сущность либерального взгляда на международное право: «Если кто-то сомневается в значении этого права, тогда пусть попробует представить себе мир, в котором бы этого права не было. <...> Не было бы безопасности народов и стабильности правительств; не уважались бы территориальные и воздушные границы; суда могли бы передвигаться исключительно на свой риск; собственность – в рамках данной территории или вне ее – являлась бы предметом произвольного присвоения; лица не подлежали бы защите со стороны права и дипломатии; не заключались бы и не соблюдались бы международные соглашения; дипломатические отношения оказались бы разорваны; мировая торговля замерла бы; исчезли бы международные организации и договоры»¹.

Таким образом, представители либеральной школы в науке международного права видят в международном праве ключевой источник порядка в рамках системы международных отношений. Государства, по их мнению, соблюдают международное право именно потому, что оно обеспечивает определенный порядок в международных отношениях. В международных организациях либералы видят независимых субъектов, необходимых для

¹ Henkin L. How Nations Behave: Law and Foreign Policy. – New York: Columbia University Press, 1979. – P. 22.

осуществления коллективных действий на международной арене. При этом, как отмечают либералы, значение международных организаций в международных отношениях постоянно растет.

Помимо двух упомянутых подходов к международному праву, существует также и третий подход, получивший название «радикального» подхода, который иногда связывают с теорией зависимости в международных отношениях.

«Радикалы», которые часто опираются на методологию марксистской и неомарксистской социологии и теории международных отношений, так же как и «реалисты», проявляют значительный скепсис относительно международного права и международных отношений, хотя и по совсем другим причинам. По их мнению, международное право и международные организации в их нынешнем виде представляют собой продукт конкретного исторического периода времени. При этом решающее влияние на содержание современного международного права оказали, по мысли «радикалов», экономический либерализм XVII века и политический либерализм XIX века. Современное международное право, подчеркивают они, направлено на защиту, прежде всего, интересов капиталистических государств Запада и в этом смысле является капиталистическим, буржуазным правом. В качестве такового, современное международное право находится в противоречии с интересами бедных стран. Что касается международных организаций, в частности таких, как ООН, ВТО и МВФ, то эти организации, убеждены «радикалы», были созданы в целях защиты интересов наиболее сильных государств. По их мнению, этим организациям удалось сохранить господствующее положение экономических и политических элит за счет бессильных масс в слаборазвитых странах. Так, например, по мысли «радикалов», принципы международного права, в частности, принцип нерушимости границ, возникли во времена колониализма в целях защиты интересов сильных держав. Попытки изменения государственных границ, с точки зрения международного права, должны быть запрещены даже тогда, когда речь идет о несправедливо и нечестно установленных границах. В качестве одного из примеров подчинения ООН интересам богатых капиталистических государств сторонники «радикального подхода» приводят реакцию ООН на агрессию Ирака против Кувейта в 1990 году. По их мнению, целью резолюций, принятых в рамках ООН, и направленных против Ирака, было, на самом деле, укрепление позиций Запада, в частности интересов США в качестве гегемона в области регулирования международных отношений на нефтяном рынке. Невинными жертвами санкций ООН против Ирака стали миллионы простых иракцев.

Что касается международных неправительственных организаций, претендующих на представительство «глобального гражданского общества», то

большинство из них, как полагают «радикалы», также находятся под контролем финансово-экономических и политических элит.

Сторонники «радикального подхода» требуют радикальных изменений миропорядка, направленных на более справедливое распределение экономических ресурсов планеты и политической власти. Они убеждены, что современное международное право и международные организации не в состоянии изменить существующее положение вещей.

По нашему мнению, с точки зрения радикального подхода к международному праву, необходимо проводить различие между «официальным международным правом» – с одной стороны, которое в его нынешнем виде явно несправедливо и объективно направлено на поддержание существующей системы экономического и политического угнетения, а также «интуитивным международным правом», в недрах которого формируется идеал справедливого и демократического миропорядка – с другой. «Интуитивное международное право» представляет собой чаяния угнетенных масс и по мере своего развития способно повлиять на «официальное международное право».

Каким же будет будущее миропорядка и международного права в наступившем XXI веке?

Различные авторы предлагают различные модели будущего международных отношений, от чего зависит модель международного правопорядка. Рассмотрим некоторые из этих моделей.

Так, американский политолог Самюэль Хантингтон в своей нашумевшей книге «Столкновение цивилизаций» видит XXI век в качестве эпохи борьбы и конфликта между различными цивилизациями. Однако, как нам представляется, XXI век должен стать эрой не войны, а мирного диалога цивилизаций, обеспечить который должна модель межцивилизационного права.

Американский социолог Амитаи Этциони, исповедующий ценностный подход к международным отношениям, в качестве ориентира или эталона анализа формирующегося глобального общества и его институтов предлагает использовать «видение справедливого общества», связанного с происходящим синтезом «стержневых ценностей Востока и Запада». По его мнению, если для Запада высшей ценностью является «автономия личности», то для Востока в качестве основополагающей ценности выступает «общественный порядок». Собственно говоря, эти ценности во многом определяют специфику правовой культуры стран Запада и Востока. С учетом этого, «справедливое общество» в трактовке Этциони подразумевает «такой социум, в котором обеспечен тщательно выверенный баланс между автономией личности и общественным порядком, а основу последнего составляет не столько принуждение, сколько убеждение»¹.

¹ Этциони А. От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям. – М.: Ладомир, 2004. – С. 290-291.

В своей книге «От империи к сообществу: новый подход к международным отношениям» Этциони обосновывает две основные идеи: во-первых, хотя «общие идеалы воспринимаются далеко не всеми,... существует достаточно широкий (и продолжающий расширяться) консенсус,... [отражающий] формирование ряда глобальных норм и ценностей, а также зарождение общей политической культуры»¹; во-вторых, «чем глубже люди и избранные ими лидеры усвоят консенсуальные формулировки, вырастающие из глобального синтеза, тем дальше мы уйдем от конфронтации в международном сообществе»².

Этциони призывает к созданию нравственного консенсуса на транснациональном уровне, что позволит сформировать систему глобального управления. Его модель глобального управления предполагает, с одной стороны, развитие наднациональных, а не международных структур и институтов, а с другой – усиление того, что можно назвать межрегиональным международным правом. Формирующаяся глобальная архитектура, убежден Этциони, «должна взять на себя функцию гарантированного удовлетворения базовых потребностей всех людей – причем не благодаря некоей социалистической концепции равенства, а в силу основополагающей моральной ценности всякой человеческой личности»³.

Необходимо сказать, что теория Этциони, несмотря на свою привлекательность, не учитывает суровых реалий международной жизни, ее зачастую иррационального характера, а также того, что в условиях хищнического глобального капитализма вряд ли возможно реализовать столь масштабный, сколь идеалистический проект радикальных преобразований жизни всего человечества.

В отличие от Этциони, французский мыслитель Жак Аттали видит ближайшую перспективу международного сообщества в менее радужных тонах. Для него суть происходящего довольно ясна: силы рынка завоевывают планету. Как пишет Аттали в книге «Краткая история будущего»: «Этот триумфальный марш денег является наиболее сильным проявлением индивидуализма. Он также объясняет большинство последних пароксизмов Истории – их целью является ускорение и укрощение ее бега»⁴.

Как считает Аттали, если этот процесс экспансии рыночных сил дойдет до своего логического завершения, то он уничтожит все, что находится на его пути, включая государства. Когда же рынок превратится в единственный закон мира, тогда возникнет такой миропорядок, который Аттали называет «гиперимперией», являющейся источником материального богатства для меньшинства, нового отчуждения, невиданной роскоши и вопиющей

¹ Там же. – С. 268.

² Там же. – С. 101.

³ Там же. – С. 231.

⁴ Attali J. Krotka historia przyszlosci. Warszawa, 2008. – S. 9.

нищеты. По его мысли, в условиях гиперимперии естественная среда будет полностью упорядочена, все станет частным, даже армия, полиция и правосудие, а сам человек в сочетании с разного рода высокотехнологическими устройствами станет товаром и возможно даже превратится в артефакт. Если же человечество захочет избежать подобной участи и насильственно прервать процесс развития неконтролируемой глобализации, тогда может вспыхнуть «гиперконфликт», в котором примут участие не только государства, но также религиозные объединения, террористы и пираты. Причем Аттали прогнозирует, что исходом этого гиперконфликта станет установление планетарной «гипердемократии», открывающей новые возможности для человечества. Итак, Аттали видит развитие истории XXI века следующим образом. До 2035 года заканчивается господство «американской империи», после чего история человечества проходит три фазы своего развития: гиперимперия, гиперконфликт и, наконец, гипердемократия, наступление которой Аттали прогнозирует около 2060 года. Вполне понятно, что в свете этой модели развития истории международное право будет менять свое содержание, становясь поочередно правом гиперимперии, правом гиперконфликта и правом глобальной гипердемократии.

Израильский историк Мартин Ван Кревельд прогнозирует упадок государства в XXI веке и формирование иерархического миропорядка. «По мере того, как другие организации занимают место отступающего государства, – пишет этот автор, – они, без сомнения, будут стремиться играть его роль во многих из этих аспектов (хозяйственной и социальной жизни – А.М.). В отличие от нынешних членов международного сообщества, каждый из которых является сувереном, большинство из них, вероятно, не сможет осуществлять исключительный контроль над той или иной определенной территорией, и вместо этого они вынуждены будут делить этот контроль с другими организациями. Вместо того, чтобы быть хотя бы формально равными, каковыми являются государства, некоторые из них, несомненно, будут выше, а другие – ниже. Иными словами, мы говорим о мире, где правовая структура будет находиться в большей гармонии с теми политическими реалиями, которые уже сложились, а во многих местах никогда не исчезали»¹.

Конец XX – начало XXI века отмечены кризисом такого главного субъекта международного права, как государство. Государство и его суверенитет оказались под сильным давлением со стороны внутренних и внешних сил. По существу, государству был брошен вызов с трех сторон. Во-первых, в современных условиях государства должны считаться с транснациональными корпорациями, чьи интересы все более определяют внешнеэкономическую и внешнеполитическую деятельность государств. ТНК, которые до сих пор

¹ Кревельд М. Расцвет и упадок государства. – М.: ИРИСЭН, 2006. – С. 513.

не признаны в качестве субъектов международного права, аккумулировали такую экономическую власть, которая позволяет им манипулировать государствами в своих интересах.

Во-вторых, власть и самостоятельность государств уменьшается под влиянием региональных интеграционных процессов. В рамках региональных международных организаций (например, ЕС) государства заметно утрачивают реальную свободу действий.

Третий вызов брошен государству со стороны транснациональной организованной преступности, масштабы деятельности которой все более принимают угрожающий характер и могут в отдельных случаях поставить под контроль государственный институты.

Кризисное состояние современного международного права объясняется также факторами экономического характера. Последний глобальный экономический кризис со всей очевидностью обнажил противоречие, которое неизбежно влияет на судьбу международного правопорядка в целом. Суть этого противоречия, по мысли американского экономиста Ника Бимса состоит в обостряющемся противоречии между глобальным развитием производственных сил в условиях современного капитализма, с одной стороны, и системой национальных государств, на которой основывается политическая власть буржуазии – с другой¹. Другими словами, глобальный капитализм требует создания глобальной системы управления, одним из существенных аспектов которой выступает глобальное, или транснациональное, международное право, преодолевающее ограничения национального суверенитета.

Процессы глобализации оказали разрушительное воздействие на традиционную систему суверенных государств и соответствующее ей международное право. С одной стороны, в условиях глобализации, глобального рынка, ослабели прерогативы государства, а все основные процессы оказались подчинены логике глобального рынка. С другой стороны, глобализация привела к большей самостоятельности внутригосударственных субъектов. Как пишет один из аналитиков: «В XX в. спокойствие в международных отношениях зависело от мирного сосуществования суверенных государств, каждое из которых по-своему оправдывало свою легитимность. В XXI в. речь пойдет о мирном сосуществовании между нациями внутри одного и того же государства, которые обосновывают различные принципы определения суверенитета. В некоторых местах – Боснии или Косово – это может оказаться невозможным... Главной практической проблемой XXI в. будет обеспечение мирного сосуществования этих частей»².

¹ Beams N. The World Economic Crisis: A Marxist Analysis // <<http://www.wsws.org/articles/2008/dec2008/nbe3-d22.shtml>>.

² Цит. по: Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление. – М.: Логос, 2001. – С. 128.

Для понимания социально-психологической сущности международных отношений и международного права большое значение имеет модель, разработанная Доном Бекком (Don Beck) и Кристофером Кованом (Christofer Cowan). Эти авторы делят людей и социальные сообщества не в соответствии с такими критериями, как раса, пол, образование и т.п., а согласно фундаментальному способу видения мира. Каждый такой способ мировидения эти авторы обозначили соответствующим цветом:

- Бежевый (архаичный, инстинктивный) – модель выживания; ориентация на удовлетворение физиологических потребностей;
- Пурпурный (магический, анимистический) – племенной, ритуальный, родовой; вера в одухотворенность природных явлений;
- Красный (сила богов) – мифический героизм, феодализм, мир – это джунгли, в которых всегда побеждает сила;
- Голубой (мифический порядок) – конформизм в отношении к существующей социальной иерархии; ориентация на право и порядок, сильный патриотизм, религиозный фундаментализм;
- Оранжевый (научные достижения) – индивидуализм, рациональное научное просвещение, концентрация на экономическом успехе;
- Зеленый (деликатная идентичность) – экологическая и эмоциональная восприимчивость, создание социальных связей, универсальный гуманизм, доминирующий над догмой и традицией, политическая корректность, ориентация на права человека.

По существу, речь идет о различных психотипах, определяющих, в конечном счете, содержание миропорядка. Данная модель, получившая название «спираль развития», была с успехом использована для анализа социальных проблем, с которыми столкнулась ЮАР во времена апартеида. Учет того, что общество делится не столько на чернокожих и белых людей, сколько на «бежевых», «красных», «оранжевых» и «зеленых», позволяет более эффективно диагностировать и лечить проблемы общества. Исходя из этой теории был сделан вывод, что мировые проблемы являются не столько результатом «столкновения цивилизаций» или различных идеологий, сколько представляют собой противоречия между разными уровнями сознания. Вместе с тем, рассматриваемая модель указывает нам на те этапы развития, которые проходит человеческое общество. Вполне понятно, что каждый из упомянутых способов мировидения будет по-разному определять содержание международных отношений и международного права. Так, люди и общества, относящиеся к «красному» мировоззрению, склонны отрицать действительность международного права и видят международные отношения в терминах «права силы», а не «силы права». Люди и общества «голубого» склада исповедуют национальный эгоизм и нетерпимость к инакомыслию, что также негативно сказывается на международном правопорядке. Наиболее благоприятной моделью поведения с точки зрения международного

права является, по всей видимости, «зеленая» модель, которая близка «идеалистическому» направлению в теории международных отношений.

С другой стороны, реализм проектантов норм международного права и его политики состоит в том, чтобы учитывать все многообразие вышеупомянутых моделей, а также адаптировать нормы международного права к этим моделям, определяющим уровень международного правосознания того или иного народа и государства. Можно сделать предположение, что человеческое общество в ходе своей драматической истории постепенно и с большими трудностями идет к тому состоянию, когда в нем будут доминировать представители «зеленого» мировоззрения. И здесь международное право и его целесообразная политика могли бы стать теми инструментами, с помощью которых можно было бы ускорить этот процесс.